

УДК 882(092) Блок

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-4-8-15

«СТАРЫЙ» И «НОВЫЙ» МИР В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Алексеева Л. Ф.*Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация**e-mail: modernen@mail.ru**Поступила в редакцию 15.07.2025**Принята к публикации 23.07.2025*

Аннотация

Цель. Осветить понимание и чувствование русским поэтом Александром Блоком всемирных исторических процессов – от Ветхого завета к Новому и от европейского «старого света» к русским революциям в России, грядущим и «окончившимся», выявить цельность авторской концепции духовного бытия и сменяющихся укладов земной жизни, сопровождающихся трагедиями, разрывами, утратами Бога и новыми обретениями добра и света.

Процедура и методы. В работе рассматриваются стихи и проза Блока, на основе опубликованных в собраниях сочинений поэта художественных, публицистических и документальных текстов, издание которых продолжается усилиями учёных Российской академии наук: Института русской литературы (Пушкинского дома) и Института мировой литературы имени А. М. Горького. В центре внимания автора статьи некоторые трактовки Блоком исторических путей древних народов, обусловленные его духовными ориентирами, а также предчувствие перспективы будущего России и всего мира. С этой целью сделаны акценты на суждениях и цитируются извлечения из трудов русских мыслителей-философов, в особенности религиозных, учёных-филологов и поэтов: В. С. Соловьёва, Андрея Белого, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, В. В. Полонского и др. Для освещения проблемы привлекаются результаты многих исследований о Блоке, отдельные заключения и сведения, содержащиеся в трудах блоковедов: Д. Е. Максимова, К. В. Мочульского, В. П. Енишерлова, Н. Ю. Грякаловой и др.

Результаты. Определённым образом воспринятые и истолкованные блоковские стихи, эпистолярное наследие, статьи и дневниковые записи, выявляющие основную направленность блоковского постижения контрастов и взаимодействий между «старым» и «новым», показывают, насколько глубоким и прозорливым было восприятие Блоком крушения Российской державы и перспектив созидательной деятельности новой России, поднявшей знамя интернационализма, – отнюдь не в силу увлечения поэта «большевизмом», но как процессов, мистически предопределённых и обусловленных духовным потенциалом родины.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья может быть востребована для постижения истоков культурно-исторического и литературного процесса, нацелена на укрепление свежего интереса к творчеству Блока, его пониманию и творческому толкованию всемирной и русской истории, методологическим вопросам и религиозным аспектам гуманитарных наук.

Ключевые слова: А. А. Блок, устаревание и обновление идей, блоковская концепция духовного бытия, авторская интерпретация исторических путей древних народов, понимание литературных и духовных ценностей

Для цитирования:

Алексеева Л. Ф. «Старый» и «новый» мир в интерпретации Александра Блока // Отечественная филология. 2025. № 4. С. 8–15. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-4-8-15>.

Original research article

THE “OLD” AND “NEW” WORLDS IN ALEXANDER BLOK’S INTERPRETATION

L. Alekseeva

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: modernen@mail.ru

Received by the editorial office 15.07.2025

Accepted for publication 23.07.2025

Abstract

Aim. To reveal both the Alexander Blok’s understanding and perception of global historical processes – from the Old Testament to the New, and from the European “Old World” to the Russian revolutions in Russia, both future and past – and to identify the integrity of the author’s concept of spiritual existence and the changing patterns of earthly life, accompanied by tragedies, ruptures, the loss of God, and new acquisitions of goodness and light.

Methodology. The article examines Blok’s poetry and prose, drawing on works published in the poet’s collected works – fiction, journalistic, and documentary – which are ongoing through the efforts of scholars at the Russian Academy of Sciences: the Institute of Russian Literature (Pushkin House) and the Gorky Institute of World Literature. The article focuses on Blok’s interpretations of the historical paths of ancient peoples, informed by his spiritual orientation, and his premonition of the future of Russia and the world. According to that emphasis is placed on the opinions and excerpts from the works of Russian philosophers, particularly religious thinkers, philologists, and poets: V. S. Solovyov, Andrei Bely, N. A. Berdyaev, S. L. Frank, V. V. Polonsky, and others. To illuminate the issue, the results of numerous studies on Blok, his individual conclusions and information contained in the works of Blok scholars: D. E. Maksimov, K. V. Mochulsky, V. P. Yenisherlov, N. Yu. Gryakalova, and others, are drawn upon.

Results. Blok’s poems, epistolary legacy, articles, and diary entries, perceived and interpreted in a certain way, reveal the fundamental thrust of Blok’s understanding of the contrasts and interactions between the “old” and the “new.” They demonstrate how profound and insightful Blok’s perception of the collapse of the Russian state was, and the how creative prospects of a new Russia were, which had raised the banner of internationalism that was related to not the poet’s fascination with “Bolshevism,” but the processes that was mystically predetermined and conditioned by the spiritual potential of the homeland.

Research implications. This article may be useful for understanding the origins of the cultural-historical and literary process; it aims to foster fresh interest in Blok’s work, his understanding and creative interpretation of world and Russian history, methodological issues, and the religious aspects of the humanities.

Keywords: A. A. Blok, obsolescence and renewal of ideas, Blok’s concept of spiritual existence, the author’s interpretation of the historical paths of ancient peoples, understanding of literary and spiritual values

For citation:

Alekseeva, L. F. The “Old” and “New” Worlds in Alexander Blok’s Interpretation. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 4, pp. 8–15. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-4-8-15>.

Введение

В автобиографии Блока 1915 г. при описании семейной обстановки не однажды возникает противопоставление *старого* (старинного) и *нового*, идущего на смену тому, что уходит независимо от чьих бы то ни было желаний и усилий. При всём уважении к старому, дедушкам, бабушкам, тем более, что старшее поколение семьи, в которой рос и формировался поэт, было творчески одарённым, великолепно образованным, продолжало сеять «старинные понятия о литературных ценностях»¹, – *старое* всё же ассоциируется в сознании художника с утратившим жизненную энергию, тем, что уходило в Лету, отторгалось от молодого поколения. Среди всех родственников только мама, Александра Андреевна, была близка молодым стремлениям сына, его запросам: «одной только матери моей свойственны были постоянный мятеж и беспокойство о новом».² Однако причастность к *новому* в литературе с оглядкой назад (время автобиографической заметки – 1915 г.) воспринята одновременно и как достоинство, и как недостаток: «Семейные традиции и моя замкнутая жизнь способствовали тому, что ни страницы из так называемой “новой поэзии” я не знал до первых курсов университета».³

Рубеж между старым (XIX) и новым (XX) веком спустя полтора десятилетия осознавался как время причастности к мистике, «которой был насыщен воздух последних лет старого и первых лет нового века».⁴ «Субъективное» тяготение к мистике поэт держал втайне от всех. Спустя годы он с радостью констатировал, что его близкие защитили младшего члена семьи от ложной, фальшивой религиозности: «трезвые и здоровые люди, которые тогда меня окружали, кажется, уберегли меня тогда от заразы мистического шарлатанства».⁵ Но в университетском и

городском, молодёжном и взрослом культурном окружении «нашлась толпа любителей лёгкой мистической наживы», и поэт честно, не щадя своей репутации, признаётся, что попал под влияния и тоже «отдал дань этому кощунственному веянию».⁶ Записал эти строчки опытный поэт и зрелый человек, которого небезосновательно много лет причисляли к символистам. Но символизм, как его понимали другие, и то, что он сам выстроил и выделил в собственной поэтической картине бытия, не совпадают. Эту проблему стремились «разгадать» многие исследователи, но она настолько сложна, что все подступы к её постижению вновь и вновь оказываются только толкованием одной частной грани, тающей по-прежнему внутри художественного и личностного мира поэта много непостижимого. Реальная земная деятельность вела его к познанию европейской культуры и особого духовного, христиански жертвенного призвания России в обновлении всеобщей жизни.

Блок перечислил заграничные страны, в которых он бывал: многие города и местности Италии, Франция (его притягивали места, где жил в юности Эрнест Ренан, когда ещё не был позитивистом), Бельгия, Голландия.⁷ Это были опыты постижения «старого света» и познание, вслед за Шпенглером, а может, и помимо философа, упадка европейской культуры, о которой «помним только мы».

Во вступительной статье к антологии прижизненной критики о Блоке Н. Ю. Грякалова привела такую информацию: «Литература о Блоке огромна. Только библиография прижизненных критических отзывов включает около двух тысяч наименований» [1, с. 7].

Стержень «цельного знания»

Для погружения в атмосферу блоковского восприятия современной ему эпохи, безусловно, нужно поискать истоки в философских сочинениях и поэзии

¹ Блок А. А. Автобиография // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. С. 12.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 16.

В. С. Соловьёва, сильно повлиявшего на мировоззрение и сложную картину мира в творчестве Блока. Это стало почти что «общим местом», но не потеряло своей актуальности. Авторитетный для «младосимволистов» (и некоторых наших современников XXI в.) мыслитель поставил удивительный вопрос в своём труде «Философские начала цельного знания» – о цели человеческого существования: «если отнять эту последнюю, то и ближайшие наши цели потеряют всю свою цену и значение, и для человека останутся только непосредственные побуждения низшей, животной природы» [2, с. 140]. Блока с юности увлекало познание пути к этой «всеобщей цели», для достижения которой требовалось усвоить открытый заново «закон исторического развития» [2, с. 140]. Обратим внимание на то, что Соловьёв в заголовке своей книги сформулировал идею «цельного знания».

Все периоды творческого пути Блока – от первых публикаций в журнале *«Новый путь»* и до последних записей и устных выступлений – сопровождает поиск цели исторического развития, путей России, устаревания и обновления идей, их религиозного смысла, тайно присутствующего во внешнем, временном, историческом.

«Тема религиозно-метафизическая и религиозно-социальная мучит всех значительных русских писателей» [3, с. 86], – утверждал Н. А. Бердяев. С этой устремлённостью к духовным высотам он связывает и будущее: «Русская литература будет носить моральный характер, более чем все литературы мира, и скрыто-религиозный характер» [3, с. 52].

Для постижения обозначенной проблемы обратим внимание на то, что поэт Александр Блок, сын отца-юриста, три года учился на юридическом факультете Петербургского университета, после чего перевёлся на филологический в том же учебном заведении. Будучи любимым внуком ректора университета (кроме того, заботился о его материальном благополучии отец, тоже Александр Блок, хотя они расстались друг с другом, когда сын был в мла-

денческом возрасте), юноша был избавлен от заботы «зарабатывать на хлеб», обеспечивать самому себя и свою семью, мог для продолжения образования быть студентом девять лет. Такая благоприятная для художника обстановка способствовала особенному качеству образованности, вооружала сведениями и способами их объединения «в единый музыкальный напор», «трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего – противоречий непримиримых и требовавших примирения»¹, о чём он писал в предисловии к поэме «Возмездие», написанном в 1919 г. Миф о нетворческом состоянии Блока в послереволюционные годы многочисленные факты опровергают, хотя условия реальной действительности в самом деле не дали возможности поэту завершить творческие замыслы. Но, судя по всему, предчувствуя близкую смерть, он стремился высказаться о главном хотя бы «конспективно», в устных выступлениях, записях в дневнике и записных книжках, письмах и записках.

Известно, что юристы пристально изучают античную историю, греческую и римскую, в том числе дохристианскую, языческую и ветхозаветную, уклад и государственные законы. Интерес к древности, Италии, Риму, а затем Средневековью и Возрождению отличает круг поэтического внимания Блока, в том числе и непосредственных переживаний различных исторических лиц, что нашло выражение в стихах и прозе разных лет. Биографические экскурсы в жизнь, судьбу и творческий облик отца поэта Александра Львовича в обстоятельной статье В. П. Енишерлова [4] позволяют выявить некоторые истоки учебных, научных и творческих увлечений сына, уверившегося, что нравственность наследуется.

Разумеется, влияния на поэта были разнородными и многомерными, но всё же состояние современного блоковедения подводит нас к обобщающему толкованию некоторых умозаключений Александра Блока зрелой поры, его неожиданных погруже-

¹ Блок А. А. Возмездие. Предисловие // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. С. 296.

ний в древние сюжеты, предложенных им аналогий и пояснений скрытого (или явного) смысла некоторых событий, совершившихся в разные века. Взмолвленный голос Блока, исполненный стремлений к передаче духовных импульсов поведения народов звучит, например, в стихотворении «Скифы», загадочной, хотя и многократно протолкованной учёными многоголосой поэме «Двенадцать», статьях «Катилина», «Крушение гуманизма», «Искусство и революция», «неудачной» пьесе «Рамзес». Притягательный облик поэта побуждает к поиску дополнительных аргументов, защищающих поэта от подозрений, что он «служил» новой или «старой» власти, пренебрегая долгом и призванием поэта.

Многочисленные обращения Блока к *старому* и *новому*, *светлому* и *тёмному*, *прекрасному*, исполненному жизни и – *гибельному*, обречённому смерти, присутствуют уже в ранних стихах, объединённых автором в цикл «*Ante Lucem*», в «Стихах о Прекрасной Даме», далеко не всегда понятых современниками (как и последующих его свершений).¹

Возможно, некоторые ранние стихи обрели законченные «формулы» в силу того, что Блок вернулся к ним в конце пути. Но многие мотивы уже в первой публикации книги поражают своей глубиной. Его герой, по Белому, «лирический субъект»,² как будто унаследовал нравственность и духовное зрение предшествующих поколений.

Вся мировая история для Блока обусловлена рождением Христа. Это событие духовного мироздания высвечивает весь объёмный фонд его наследия и в итоге помогает проникнуть в содержание стержневой направленности творческого пути поэта³, оборванного преждевременной смертью и всё же внутренне цельного. Для выполнения этой задачи необходимо выделить фрагменты стихотворений, статей, высказываний, дневниковых и эпистолярных записей, позволяющих посмотреть

на известное и истолкованное прежде литературоведами несколько иначе: многократно цитированные и малоизвестные блоковские формулировки поставить в новый контекст, обнаружить новые связи между тем, что поэт считал нераздельным и неслиянным: «искусства, жизни и политики».⁴

К. В. Мочульский заметил, что к поэме «Двенадцать» стягиваются все нити предшествующего творчества, подобно тому, как в «Стихах о Прекрасной Даме» «начаты все пути дальнейших поэтических странствий Блока, брошены семена всех будущих его цветений» [6, с. 52]. Однако завершение пути видеть в «Двенадцати» всё же не совсем правомерно. Точка зрения, что Блок утратил творческие способности в послереволюционный период не вполне удовлетворяет. Он много трудился (не только тратил время на утомительных заседаниях), подключая к завершающей стадии осмысления личного и общего «пути» вновь написанные страницы поэмы «Возмездие», статьи, наконец, переработанные «Стихи о Прекрасной Даме», письма и дневниковые записи, статьи, заметки о театре и пр. Сама объективная духовная стезя, на подспудные токи которой поэт чутко отзывался, подвела его к объективно-эмоциональному выражению голосов *нового* и *старого*, рождающегося и устаревающего, внутренне противоречивого, но живого «русского строя души».

Блок уверен, что опубликование писем Аполлона Григорьева к Гоголю поможет понять, «что пора перестать прозёвывать совершенно своеобразный, открывающий новые дали русский строй души. Он спутан и тёмнен иногда; но за этой тьмой и путаницей, если удосужитесь в них взглянуться, вам откроются новые способы смотреть на человеческую жизнь».⁵

Здесь не было того, что носит политические определения национализма или

¹ На это обратила внимание Н. Ю. Грякалова. См.: [1].

² Белый А. Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы М.: Республика, 1994. С. 483.

³ Путь поэта как внутренний организатор его художественного мира основательно проанализированного Д. Е. Максимовым. См.: [5].

⁴ Блок А. А. Возмездие. Предисловие // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. С. 296.

⁵ Блок А. А. Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. С. 28.

«черносотенства», поскольку основано на искренней любви к тому, что постигалось постепенно, неуклонно, без «оптимизма», с сознанием трагизма и даже катастрофичности земного и космического мира. Образцом неуспокоенной, исполненной «тревог духа» поэзии был для Блока Яков Петрович Полонский (см.: [7]).

Имевший репутацию певца Прекрасной Дамы, художник выражал эту концептуальную идею в тех условиях, при которых вынужденно-добровольно занимался переводами, составлением книг, сочинением и рецензированием пьес для театра... Вглядевшись в крушение европейского гуманизма (во время поездок в Европу и благодаря чтению), Блок приходит к ёмкому заключению относительно особенностей мировосприятия соотечественников, что опиралось на его вдумчивое понимание творческого наследия писателей – от Пушкина, Некрасова, Тютчева, Фета, Аполлона Григорьева до Якова Полонского, Горького, Гумилева, Есенина, Маяковского... Нити исторического и литературного знания вели его к созданию целостной картины, скреплённой тайнами, интуитивными, или трезво выношенными духовными скрепами.

В известном стихотворении из цикла «Ямбы» «О я хочу безумно жить» есть обозначение истинной ценности личности, оставившей след для будущего: «Простим угрюмство – разве это / Сокрытый двигатель его? Он весь – дитя добра и света / Он весь – свободы торжество!»¹

Герой поэмы «Возмездие» «в окружающей тревоге видел предвестие конца мира».² Несколько поколений участвуют в потоке жизненного старения и исторического обновления. Этот процесс медленный. Блок обратил внимание на то, что Римская империя существовала и разлагалась ещё пять веков после рождения Христа. Он писал о значительности того, что произошло в России и европейском

мире, как будто знал о том, что будет происходить после его кончины в XX в., а также и в иные, «грядущие века», как он определил историческое время в стихотворении «Пушкинскому дому». В статье «Владимир Соловьёв и наши дни» (1920) Блок писал: «...глубина изменений в мире социальном, в мире духовном и в мире физическом уже такова, что она будет измеряться, вероятно, столетиями. Значительность пережитого нами мгновения истории равняется значительности промежутка времени в несколько столетий».³ Новый век, наступивший после кончины Соловьёва, «сразу обнаружил своё лицо, новое и непохожее на лицо предыдущего века».⁴ Блок сравнивает происходящее в России в начале XX века с началом христианства, с первым столетием, когда мир был расколот надвое: «старая половина таяла, умирала и погружалась в тень, новая вступала в историю с варварской дикостью, с гениальной яростью».⁵

Ценность писателя определяется отнюдь не только тем, что и как он освоил и обновил из наследия предшественников, но, главным образом, какую дорогу он проложил будущему: как его зрение (миро-воззрение) уловило за своими и общими печальями, тоской, переживаниями смертей близких (и не близких) людей, превращение их в «человеческий шлак», ужасов страшного мира, отчаяния, иронии, кощунственного унижения, превращения музыки в визг, – как всё это претворилось в его мужественном творчестве, исполненном особенного слуха, – в музыку мирового оркестра, вернуло надежду на то, что в результате мук появится «ясность Божьего лица», способность увидеть «новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откровение апостола Иоанна Богослова, гл. 21).

В статье «Катилина», к которой Блок обратился в апреле 1918 г., т. е. вскоре по-

¹ Блок А. А. Ямбы (1907–1914) // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. С. 85.

² Блок А. А. Планы поэмы // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. С. 85.

³ Блок А. А. Владимир Соловьёв и наши дни // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. С. 154.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 156.

сле завершения и опубликования поэмы «Двенадцать», поэт сопоставил государственную жизнь древности пред рождением Христа и современность России, что даёт нам основание заметить, что русская революция дала ему возможность и право посмотреть на мир с высоты тысячелетий и сделать заключение: «узоры человеческой жизни расширяются по вечной канве».¹ Разбойник, наглый мятежник Катилина спустя всего 60 лет после бесславной смерти, однако, предстал перед высшим судом – судом Иисуса Христа. Здесь для Блока главная точка отсчёта, гармонический центр вселенской истории. Однако по-прежнему он чужд оптимизма, малодушной лёгкости: «мировой пожар» «разгорается и будет ещё разгораться долго и неудержимо, перенося свои очаги с востока на запад и с запада на восток, пока не запылает и не сгорит весь старый мир дотла».² Начало этого трагического обновления мира в высшем духовном истоке: «Беспощадный приговор старой цивилизации» прозвучал «из Назарета».³

Среди наследников Владимира Соловьёва, близких Блоку по своим взглядам, обратим внимание на С. Л. Франка (1877–1950).

Будучи высланным из советской России вместе с другими философами и писателями «на философском пароходе», он был свободен в высказывании мнения о том, что произошло в России. Впервые опубликованная в журнале «Русская мысль» (Прага–Берлин, кн. VI–VIII), перепечатанная в журнале «Новый мир» (1990, № 4, с. 207–220) статья «Из размышлений о русской революции» написана с учётом публикаций Блока, даже как будто имела специальной задачей определение сущности блоковской позиции и его трагической судьбы, хотя в статье о нём нет речи. Рассматривая основания бунтарского, разрушительного, катастрофического состояния народа, Франк рассмотрел разницу между смутой и рево-

люцией и показал, что является главным в духовных корнях народной жизни: «Всякая революция обходится народу слишком дорого, не окупает своих издержек; в конце всякой революции общество, в результате неисчислимых бедствий и страданий анархии, оказывается в худшем положении, чем до неё, просто потому, что истощение, причиняемое революцией, всегда неизмеримо больше истощения, причинённого самым тягостным общественным строем, и революционный беспорядок всегда хуже самого плохого порядка» [8, с. 208]. Мыслителя интересует «произрастание новых форм жизни в лоне старого» [8, с. 208], момент «идейного выздоровления, духовного преодоления мёртвой официальной лжи», «их носители подвергаются общественным организмом», после чего обнаруживается «поле, уже заросшее ростками новой жизни, ничуть не похожей на замысел смуты, но непохожей и на старую жизнь, сметённую смутой» [8, с. 208].

Заключение

Синтез всех событий Блок выстраивает не только через воссоздание их последовательности, но через убеждение и веру, что человечество в целом, как в прошлом противников и защитников древних цивилизаций, так и строителей нового русского государства, нацеленных на созидательную или разрушительную деятельность, ждёт суд Иисуса Христа. Блок осмысливал и интерпретировал современность через призму всего собственного духовного состава личности, знаний о прошлом, исторических и юридических знаний и интуиций о будущих свершениях и новых катастрофах, которые по-прежнему таил в себе *старый*, европейский, русский дореволюционный, несущий в себе старое зло, и вместе с тем перспективы новой державности и возвращённой религиозности – послереволюционный, обновлённый *грядущий* мир.

¹ Блок А. А. Катилина // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. С. 76.

² Там же.

³ Там же. С. 78.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грякалова Н. Ю. Поэт и критики // Александр Блок: pro et contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2004. С. 7–20.
2. Соловьёв В. С. Философские начала цельного знания // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1998. С. 139–287.
3. Бердяев Н. А. Русская идея. М.: АСТ; Фолио, 1992. 400 с.
4. Енишерлов В. П. Апология отца. За строками «Возмездия» // Шахматовский вестник. Вып. 12. Биография как источник и контекст творчества А. Блока: материалы международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения поэта, Москва, 10–12 октября 2010 г. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 37–69.
5. Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Советский писатель, 1981. С. 6–151.
6. Мочульский К. В. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов. М.: Республика, 1999. 480 с.
7. Алексеева Л. Ф. «Тревоги духа» в лирике Я. П. Полонского и осмысление духовных катастроф поэтами XX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 2 (87). С. 95–107. DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.009.
8. Франк С. Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4. С. 207–220.

REFERENCES

1. Gryakalova, N. Yu. (2004). Poet and Critics. In: *Alexander Blok: Pro et Contra. The Personality and Works of Alexander Blok in Criticism and Memoirs of His Contemporaries*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute publ., pp. 7–20 (in Russ.).
2. Soloviev, V. S. (1998) Philosophical Principles of Integral Knowledge. In: Soloviev V. S. *Works*. Vol. 2. Moscow: Mysl publ., pp. 139–287 (in Russ.).
3. Berdyaev, N. A. (1992) *The Russian Idea*. Moscow: AST publ., Folio publ. (in Russ.).
4. Yenisherlov, V. P. (2011). Father's Apology. Behind the Lines of "Retribution." In: *Shakhmatovsky Vestnik. Iss. 12. Biography as a Source and Context of A. Blok's Work: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 130th Anniversary of the Poet's Birth, Moscow, October 10–12, 2010*. Moscow: IMLI RAS publ., pp. 37–69 (in Russ.).
5. Maksimov, D. E. (1981). The Idea of the Path in the Poetic World of A. Blok. In: Maksimov, D. E. A. *Blok's Poetry and Prose*. Leningrad: Sovetsky Pisatel publ., pp. 6–151 (in Russ.).
6. Mochulsky, K. V. (1999). *Alexander Blok. Andrei Bely. Valery Bryusov*. Moscow: Respublika publ. (in Russ.).
7. Alekseeva, L. F. (2025). "Anxiety of the Spirit" in the Lyrics of Ya. P. Polonsky and the Understanding of Spiritual Catastrophes by Twentieth Century Poets. In: *Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2 (87), 95–107. DOI: 10.37724/RSU.2025.87.2.009 (in Russ.).
8. Frank, S. L. (1990). Reflections on the Russian Revolution. In: *New World*, 4, 207–220 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Любовь Фёдоровна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: modernen@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov F. Alekseeva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: modernen@mail.ru